

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 257–263

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 257–263
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-257-263>, EDN: TYXUFT

Научная статья

УДК [323.269.6:616.932:323.398](470.44)|18|

«Беспощадный холерный бунт черни»: причины и характер массовых народных выступлений в Саратовской губернии в XIX веке

А. Ю. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Варфоломеев Александр Юрьевич, аспирант кафедры истории России и археологии, varfolomeev-alexandr@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4115-274X>, AuthorID: 1188579

Аннотация. Статья посвящена проблеме социальных волнений, вызванных эпидемиями холеры на территории России в XIX в. Предметом исследования автора являются региональные аспекты проблемы, а именно события, происходившие на территории Саратовской губернии, до сих пор остающиеся малоизученными в историографии. На основе анализа документальных материалов, хранящихся в Государственном архиве Саратовской области, выявляются причины и характер «холерных бунтов» в Саратовской губернии. Социальные беспорядки, имевшие явные черты погрома, показали высокий уровень недоверия к проводимым властями противохолерным мероприятиям.

Ключевые слова: эпидемии холеры, социальные волнения, «холерные бунты», Российская империя, Саратовская губерния

Для цитирования: Варфоломеев А. Ю. «Беспощадный холерный бунт черни»: причины и характер массовых народных выступлений в Саратовской губернии в XIX веке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 257–263. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-257-263>, EDN: TYXUFT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“The merciless Cholera Riot of the mob”:

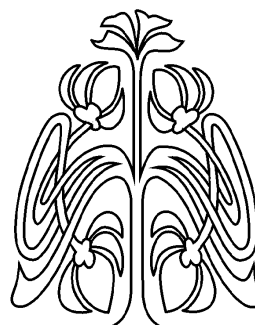
Causes and nature of mass popular riots in the Saratov Province in the 19th century

A. Yu. Varfolomeev

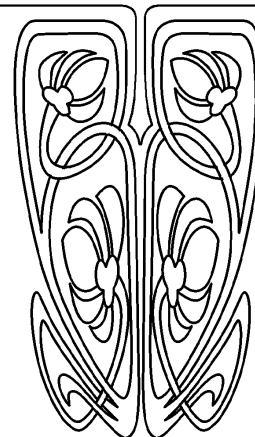
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexandr Yu. Varfolomeev, varfolomeev-alexandr@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4115-274X>, AuthorID: 1188579

Abstract. The article is devoted to the problems of social unrest caused by cholera epidemics in Russia in the 19th century. The subject of the author's research is regional problems, namely the events that took place in the Saratov province, which still remain poorly studied in historiography. Based on the analysis of documentary materials stored in the State Archives of the Saratov Region, the causes and consequences of the “cholera riots” in the Saratov province

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

are revealed. Social unrests, which had obvious features of a pogrom, showed a high level of mistrust in the anti-cholera measures taken by the authorities.

Keywords: cholera epidemics, social unrests, "cholera riots", Russian Empire, Saratov province

For citation: Varfolomeev A. Yu. "The merciless Cholera Riot of the mob": Causes and nature of mass popular riots in the Saratov Province in the 19th century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 257–263 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-257-263>, EDN: TYXUFT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

За XIX в. эпидемия холеры пять раз затрагивала территорию Российской империи, становясь причиной многочисленных демографических, социальных и экономических проблем. В то же время в восприятии населения зачастую преобладала негативная реакция на применявшиеся властью противоэпидемические мероприятия. Искаженное восприятие ситуации приводило к серьёзным социальным волнениям, о которых и пойдёт речь в данной статье.

Исследованию социальных волнений, связанных с холерными эпидемиями («холерных бунтов»), посвящен ряд научных работ, авторы которых обращались к историческим примерам, характерным для различных регионов Российской империи. В основном они освещают хронику беспорядков, происходящих в Санкт-Петербурге в 1831 г. Среди них можно выделить диссертацию К. С. Барабановой «Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане в условиях чрезвычайной ситуации», в которой автор поднимает проблему отношений власти и общества в контексте холерной эпидемии 1831 г. в Санкт-Петербурге [1]. Напрямую к рассматриваемой в статье проблематике также относится ряд научных статей К. С. Барабановой, посвященных «региональной специфике» и «имперской общности» в отношении исторической реальности «холерных бунтов» [2, с. 130–144]. Другой исследователь – А. К. Егоров изучил характерные источники возникновения и распространения слухов об отравлении во время эпидемии холеры 1830–1831 гг. в России [3, с. 32–34], а также рассмотрел особенности поведения населения в кризисных эпидемических ситуациях, акцентируя внимание на способности власти стабилизировать ситуацию и найти диалог с обществом [4, с. 524–540]. И. В. Егорышева, наряду с анализом Петербургских волнений 1831 г., рассматривает и холерные беспорядки, происходившие в 1830 г. в Москве [5, с. 160–165]. Всесторонний анализ причин недоверия к медицине и докторам в ходе массовых холерных беспорядков провела в своей работе О. А. Чагадаева, приведя в качестве одного из примеров убийство доктора А. М. Молчанова в Хвалынске в 1892 г. [6, с. 102–106]. В статье Г. В. Гарбуз на примере эпидемии холеры в Пензенской губернии в 1892 г. изучена деятельность различных правительственных и общественных структур

в ходе одной из наиболее масштабных эпидемий холеры [7, с. 77–85]. Проблему организации борьбы с эпидемиями холеры, по своим масштабам и последствиям представлявшую реальную угрозу национальной безопасности России в XIX – начале XX в., рассмотрели в своей статье Е. М. Смирнова и Н. Т. Ерегина [8, с. 33–48]. Вместе с тем обращает на себя внимание явный недостаток специальных исследований о «холерных беспорядках» на территории Саратовской губернии. Исключением является работа немецкого ученого Ш. Визе, который скрупулезно оценил влияние слухов на холерные беспорядки в Саратове в 1892 г. [9, с. 300–318]. Английская исследовательница Шарлотта Э. Хенц в своей монографии пришла к выводу, что холерные бунты стали для саратовцев инструментом выражения недовольства властью. По ее мнению, насилие, вспыхнувшее на улицах Саратова, Астрахани и Царицына, продемонстрировало отчуждение значительной части населения от государственных институтов, которые не только создали условия для распространения эпидемии, но и продемонстрировали недостаточное уважение к гражданским свободам в борьбе с эпидемией [10, с. 170]. О выступлениях крестьян в период эпидемий в соседнем с Саратовом регионе – в Самарской губернии содержится информации в коллективной монографии «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» [11].

Документальные материалы о социальных волнениях, связанных с эпидемиями холеры на территории губернии в XIX в., в основном содержатся в фондах Государственного архива Саратовской области, а именно: фонд № 7 «Саратовская судебная палата Министерства юстиции. 1871–1918», фонд № 8 «Саратовский окружной суд Министерства юстиции. 1871–1918», фонд № 10 «Прокурор Саратовского окружного суда Министерства юстиции. 1871–1917» и фонд № 55 «Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Вольском, Хвалынском и Кузнецком уездах. 1867–1917». Отдельные сведения о бунтах 1892 г. содержатся и в опубликованных источниках. Среди них мемуары современников: воспоминания саратовского адвоката и общественного деятеля, гласного городской думы И. Я. Славина [12], саратовского губернского предводителя дворянства, земского начальника В. А. Шомпулева [13].

Различная информация о беспорядках, произошедших в «холерном» 1892 г., публиковалась в периодической печати – газете «Саратовские епархиальные ведомости» [14, с. 507]. Здесь также стоит отметить неравномерное распределение информации о холерных волнениях: наибольшее количество сведений приходится на 1892 г., из чего можно сделать вывод, что народное недовольство не распространялось на Саратовскую губернию из других регионов в предыдущие холерные эпидемии, а местное население в своих протестных настроениях не переходило к крайним насильственным мерам. Размышляя о массовых выступлениях, связанных с эпидемиями, К. С. Барабанова отмечает, что «не в каждом населенном пункте, охваченном эпидемией, население уничтожало больницы и убивало врачей или чиновников» [15, с. 1733–1744].

Драматический характер событий, связанных с эпидемическими волнениями, нашел отражение на страницах художественных произведений. Трагический эпизод с хвалынским врачом А. М. Молчановым запечатлен В. В. Вересаевым в повести «Без дороги» [16]. В основу этого произведения был положен личный опыт автора в бытность его работы санитарным врачом. Уроженец Хвалынска выдающийся художник и писатель К. С. Петров-Водкин в повести «Хлыновск» ярко и достоверно описал эти страшные сцены [17].

Впервые холера появилась на территории России в сентябре 1823 г. Проникнув из Персии, болезнь была зарегистрирована у работников астраханского порта [18, с. 55]. Никаких особых мероприятий по борьбе с эпидемией не проводились, так как многие медицинские специалисты на тот момент вообще сомневались, что холера передается от человека к человеку [19]. В итоге открывшаяся в сентябре эпидемия к началу октября прекратилась «сама собою» [20, с. 253]. В течение одного месяца заболело 392 жителя, из которых 205 умерли [21, с. 2].

Несмотря на то, что в XIX в. все пять пандемий так или иначе затрагивали территорию Российской империи, в том числе и Саратовскую губернию, серьезные волнения на ее территории произошли только в 1892 г., после того как почти одновременно в 20-х числах июня в Саратове, Царицыне и Хвалынске были зарегистрированы первые случаи заболевания холерой [22, л. 2 об.]. Утром 27 июня 1892 г. поступила информация о том, что на пароходе «Ниагара», находящемся в районе г. Камышина, среди пассажиров было выявлено три человека, зараженных холерой. Ситуацию осложняло то обстоятельство, что большинство пассажиров незадолго до этого, находясь еще в Астрахани, взбунтовались, отказываясь подчиняться распоряжениям властей, вводивших непопулярные ограничительные меры [23, с. 25–37]. Чтобы избежать

непредсказуемых последствий, «Ниагару» остановили примерно в 20 верстах от Саратова, а для обеспечения порядка на судно был отправлен отряд солдат. После проведения необходимых санитарно-эпидемиологических мероприятий пассажиры продолжили дальнейший путь на другом пароходе, а тех, кто оказал неповиновение, отправили домой. «Народ немного взволнован, но особого ничего нет» [24, л. 38], – докладывал саратовский губернатор Б. Б. Мещерский министру внутренних дел И. Н. Дурново.

О начале беспорядков 1892 г. в своих мемуарах пишет саратовский губернский предводитель дворянства В. А. Шомпулев. Как он сообщает, впервые холерный бунт в Саратовской губернии вспыхнул в городе Хвалынске, где начали распространяться слухи о том, что подкупленные властями врачи, «отравляют родники и разносят холеру по домам» [13, с. 196]. Вследствие этого произошла трагедия, которая получила широкую огласку в прессе и нашла свое отражение на страницах воспоминаний современников. 28 июня 1892 г. толпа бунтовщиков, подстрекаемая нелепыми слухами, начала преследовать городского врача А. М. Молчанова. В это же время в толпе появилась незнакомка, которая уверяла, что Молчанов, находясь у неё дома, обрызгал чем-то стены, после чего у неё умерла дочь. Отставной помощник пристава города Хвалынска Антоновский, оценивая крайнюю серьёзность сложившейся ситуации, посоветовал врачу скрыться, а взволнованному народу объявил, что тотчас проведёт расследование. Взяв с собой провокаторшу, он отправился к ней на дом и, оставив её там, сам отправился в другое село. Молчанов же, не придав значения нависшей над ним опасности, продолжал исполнять свой долг, навещая больных на дому и пытаясь донести до народа абсурдность распространяемых против медиков сплетен. Однако его увещевания и призывы к здравому смыслу не достигли разгневанного населения, и на следующий день он был зверски убит толпой [13, с. 196]. В своих воспоминаниях Шомпулев размышлял по поводу того, кто именно являлся автором подстрекательства. По его мнению, это были враждебные к правительству подпольные элементы, которые и доводили толпу до совершения преступлений [13, с. 195].

Сведения о зачинщиках беспорядков сообщались в газете «Саратовские епархиальные ведомости», в разделе «Епархиальная хроника». В газетных сообщениях появилась версия, что «главными возбуждителями толпы здесь (в Хвалынске. – А. В.) были бабы, чрезвычайно упорные раскольницы» [25, с. 545]. Эту информацию подтверждает и В. А. Шомпулев [13, с. 196]. Однако исследовательница О. А. Чегодаева видит причину трагедии в том, что доктор А. М. Молчанов за весьма продолжительное время работы в Хвалынске не сумел

наладить отношения с местным населением, а в период эпидемии «при осуществлении санитарных мероприятий он легкомысленно отнесся к необходимости объяснить смысл требуемых мер, поэтому жители были настроены враждебно. Дезинфекция, которая проводилась бестактно, воспринималась горожанами как попытка травить народ и заражать холерой» [6, с. 104]. Между тем в тексте исследования мнение автора не подкрепляется аргументами. Думается, что главная причина расправы над добросовестно исполнявшим свои обязанности доктором все-таки заключалась в особенностях народного восприятия эпидемий и, кроме того, в подстрекательстве толпы антиправительственно настроенными элементами (революционерами и раскольниками), а не в «бестактном» проведении дезинфекции.

В Саратове крупные беспорядки начались 28 июня 1892 г. По воспоминаниям свидетелей, рано утром на Горной улице собралось большое количество народа, который был недоволен противохолерными мероприятиями. Не имея организатора, бунтовщики не решались на какие-либо серьезные действия, поэтому всё ограничивалось просто недовольными возгласами и выкриками [26, л. 1]. Так продолжалось до тех пор, пока в толпе не появился человек «в жёлтой вышитой рубашке, испачканной известью». Впоследствии в ходе допроса свидетелей выяснилось настоящее имя зачинщика беспорядков — его звали Николай Бурлаков [27, л. 15]. Именно он стал уверять собравшихся в том, что полиция схватила его и запрятала в холерную больницу, где доктора осыпали известью и заколотили живого во гроб, но ему удалось разбить его и сбежать. Рассказывая это, незнакомец призывал «бить докторов и полицию», а также уверял, что на Верхнем базаре сам убил двух докторов и полицейского, поэтому теперь готов вести людей на холерную больницу. Речь провокатора подействовала на разгорячённую толпу, и все ринулись вслед за незнакомцем [27, л. 12–12 об.].

Около 11 утра бунтовщики оказались в районе Верхнего базара, и дойдя до пересечения улиц Александровской и Цыганской, толпа встретила постового Гусева. Нанеся ему тяжкие телесные повреждения, бунтовщики двинулись дальше, пока на их пути не встретился сын учителя А. В. Пемуров и мещанин И. И. Трейгольд. Толпа жестоко расправилась с ними и, разделившись на мелкие банды, продолжила погромы на городских улицах [26, л. 1].

В это же время одна из групп бунтовщиков разгромила квартиру саратовского полицеймейстера, вторая — здание первой части, а третья выбила окна в доме врача Бонвеча (скорее всего, имеется в виду квартира саратовского врача Бонвеча Эммануила Андреевича, которая находилась на улице Грошовой. — А. В.), а затем разгромила квартиру полицеймейстера первой части. Особо бесчинствовавшая толпа направилась

к временной холерной больнице, размещавшейся в доме Демидова [26, л. 1–1 об.], где бунтовщики разбили окна [27, л. 13].

Стараясь не упустить детали, писал о саратовском июньском бунте 1892 г. в своих воспоминаниях И. Я. Славин. По его словам, беспорядки начались ранним утром 29 июня на Верхнем базаре. Скорее всего, здесь ошибка памяти мемуариста — по материалам прокуратуры Саратовского окружного суда Министерства юстиции [26, л. 1], а также согласно заметке в газете Саратовские епархиальные ведомости № 14 за 1892 г. [14, с. 502], беспорядки начались утром 28 июня. Воспоминания И. Я. Славина дублируют сообщения других источников о том, что отправной точкой для беспорядков послужило появление в среде базарного люда человека в саване и обсыпанного чем-то белым, который утверждал, что его пытались похоронить заживо в городском холерном бараке, но ему удалось оттуда сбежать. Мемуарист замечает, что многочисленная толпа, была и так «разогрета» многочисленными слухами о «коварствах врачей», поэтому рассказ провокатора легко убедил людей ринуться громить полицейские части, холерные бараки, больницы и квартиры врачей [12, с. 192].

Первой жертвой разъярённой толпы в тот день стал сын учителя Пемурова, подросток, ученик реального училища, лет 16–17, который был одет в штатское, но с фуражкой училища на голове. Он пытался скрыться на лесах строящегося дома, но бунтовщики его там нашли, вытащили на улицу и забили насмерть. Затем началась травля полицейских: один, спасаясь от толпы, спрятался в доме В. Д. Вакурова, что и спасло ему жизнь, но в отместку толпа разбила все окна на верхних этажах его жилища [12, с. 192]. Одновременно с этим вторая группа бунтовщиков громила квартиры полицеймейстеров и врачей. При этом сильно пострадала первая полицейская часть, в помещении которой все книги и бумаги были разорваны на мелкие кусочки и выброшены на улицу, а двери и стёкла разбиты [12, с. 192].

По мере движения к городской больнице толпа увеличивалась: к ней примыкали ночлежники, празднующие и различные криминальные элементы, пользующиеся случаем поживиться чужим имуществом. Сама толпа разделялась на банды, одна из которых погналась за студентом-медиком Свиридовым, который успел скрыться на колокольне Владимирской церкви, находящейся на углу Астраханской и Большой казачьей улиц. Толпа хотела ворваться в храм, но на встречу ей вышел молодой священник Андрей Шанский. Преградив путь бунтовщикам, он с крестом в руках обратился к толпе со словами наставления. По началу бунтовщики грозили самому священнику расправой и требовали выдачи Свиридова, но потом ярость

преследователей немного утихла, и толпа направилась дальше к городской больнице, которая уже была в руках другой группировки протестующих [12, с. 192]. Следующей своей целью толпа выбрала дом Плеханова, в котором городские власти устроили холерный барак. Здание было сожжено протестующими, но, к счастью, сами больные и медицинский персонал успели спастись [12, с. 193].

В этот трагический день Саратов примерно 5–6 часов находился во власти бунтовщиков. Все правительственные, административные и полицейские власти разбежались. К двум часам дня прибыли войска из лагеря, которые усмирили бунтовщиков. Единственной жертвой этих беспорядков стал мальчик Пемуров, не считая нескольких человек, погибших от шальных пуль во время залпов по толпе [12, с. 193].

Вскоре последовало Высочайшее повеление о предании всех бунтовщиков, или, как их прозвали, «холерников», военному суду. Осенью того же года после проведенного следствия суду были представлены обвинительные акты. Подсудимых оказалось свыше 150 человек. Допрос свидетелей, которых насчитывалось более 700 человек, длился три недели. В конце судебного разбирательства был объявлен приговор, по которому около 23 подсудимых приговорили к смертной казни через повешение, 50 обвиняемым была назначена каторга, а остальных, свыше 70 человек, оправдали. Кассационных жалоб и протестов не поступало, поэтому приговор был подтвержден императором, который, снизив степень наказания, по сути помиловал осужденных к смертной казни, заменив высшую меру наказания двадцатилетней каторгой [12, с. 193]. Данный приговор был обусловлен тяжестью преступления и тем обстоятельством, что бунтовщиков судили по законам военного времени. Аналогичные приговоры и ранее выносились участникам холерных бунтов, как, например, в городе Тамбове в 1830 г., когда помещане Данила Ильин и его младший брат Евлампий Акимов, оказавшиеся причастными к «возмущению», были приговорены к наказанию плетьюми и последующей каторжной ссылке сроком на 20 лет [28, с. 21].

О холерных беспорядках много писали в газете «Саратовские епархиальные ведомости». Духовенство Саратова не оставалось безучастным в отношении к народным волнениям. Так, например, 22 июня 1892 г., ещё до начала беспорядков священники старались образумить народ проповедями. Епископ Саратовский и Царицынский Преосвященный Авраамий дал особое приказание священнослужителям «внушать притчами приходов епархии, чтобы они в случаях появления холеры где-либо в селах и деревнях Саратовской губ., прочитали и объяснили народу изданные губернским правлением правила о мерах предосторожности, направленных к предупреждению и ослаблению холеры» [14, с. 501].

А в день беспорядков, 28 июня, священники, пренебрегая опасностью, увещевали и успокаивали народ. Они обращались с проповедями, уговаривая бунтовщиков не верить ложным слухам и с миром разойтись по домам. Мало того, бывали случаи, когда священники в прямом смысле спасали людей от разъярённой толпы. Так, 29 июня 1892 г. во время холерных беспорядков священник Андрей Васильевич Шанский укрыв от разъяренной толпы у себя в храме студента-медика Свиридова, за что был «сопричислен к ордену Св. Равноапостольного Князя Владимира IV степени» [14, с. 504].

Отправляясь на проповеди в больницы, священнослужители сами подвергались большой опасности. Так, 28 июня священник Ф. А. Тринитатский прибыл в городскую Демидовскую больницу, где должен был прочитать напутствия для больных. Спустя несколько часов Тринитатский услышал сильный шум и, выглянув в окно, увидел огромную толпу, приближавшуюся к больнице. В это время в окна полетели камни. Понимая всю серьёзность сложившейся ситуации, священник вышел во двор, где и был окружён толпой, которая требовала выдать им доктора и фельдшера [14, с. 506–507]. После его отказа угрозы посыпались уже самому Тринитатскому – в толпе оказался якобы заживо похороненный, кричавший: «Вот тот священник, который меня заживо похоронил!». Несмотря на то, что «заживо похороненный» был пьян, толпа верила ему и преследовала отца Тринитатского, крича: «Бейте его камнями!». Оглянувшись назад, священник увидел, что больница уже полыхает [14, с. 507].

После бунта в Саратове волнения перекинулись на соседние уезды и города соседних губерний. Для предупреждения крупных беспорядков в некоторых населённых пунктах губернии были размещены воинские команды. В селах Сокуре и Корсаковке Саратовского уезда бунтующие крестьяне были наказаны розгами. Также попытки протестных выступлений наблюдались в селе Поповке, деревне Юрьевке, Неклюдовке, Сосновке и хуторе Трековка. В связи с распространением холеры в губернии В. А. Шомпулев сделал распоряжения волостным правлениям пристально следить за ходом эпидемии и рапортовать о каждом случае заболевания холерой [13, с. 198]. Видя негативное отношение простого люда к врачебной помощи, он старался воздержаться от строгих мер, потому что смотрел на крестьян в этом случае не как на преступников, а как на неразумных детей, и такой метод общения властей с народом оказался очень эффективным – где бы не появлялся Шомпулев, крестьяне его слушали и подчинялись [13, с. 201].

Таким образом, пик социальных холерных беспорядков пришёлся именно на 1892 г., что явилось следствием нескольких причин. Во-первых, здоровье и психологическое состояние

людей было подорвано голодом предшествующего года [12, с. 31]. Во-вторых, по-прежнему не только среди простого населения, но и в профессиональных медицинских кругах еще мало понимали специфику распространения заболевания, а также причины его появления, вследствие чего легко распространялись нелепые слухи относительно холеры. В-третьих, карантинные мероприятия наносили ощутимый ущерб хозяйственной жизни, что негативно сказывалось на благосостоянии всех слоев населения, и в первую очередь малоимущих. Вместе с тем сопротивление холере вынудило органы власти искать наиболее эффективные подходы к проведению противоэпидемических мероприятий и бороться с отсутствием санитарной грамотности среди населения губернии.

В то время медицина была практически бессильна в деле лечения холеры. Ситуация кардинально не менялась с того времени, когда Саратовская Врачебная Управа докладывала в донесении Медицинскому Департаменту от 12 августа 1847 г.: «Лечение холеры теперь также неудачно, как было и прежде. Общего метода нет, исключая разве назначение рвотного корня, которое было принято в самом начале болезни и останавливает дальнейшее развитие во многих случаях, но не во всяком. Кровопускание, сладкая ртуть, лёд внутрь, холодные ванны и противоположные средства: нефть, водка, перец, горячие ванны, трение спиртными острыми веществами, употребление почти с одними и теми же последствиями» [29, с. 19]. Такая ситуация в области лечения холеры оставалась вплоть до конца XIX в., пока в 1892 г. В. А. Хавкиным не была изобретена вакцина против этой страшной болезни.

Можно констатировать, что массовые выступления населения в период эпидемии холеры в Саратовской губернии в 1892 г. наглядно иллюстрируют, как страх и недоверие к власти и медицинским работникам приводили к трагическим последствиям. Экспессы социальных волнений, вызванные предрассудками, нелепыми слухами о врачах и их методах борьбы с холерой, показали хрупкость общественного спокойствия в условиях массовых эпидемий. Это свидетельствует о том, что в кризисные моменты, когда требуется единство и взаимопомощь, человеческие эмоции и недоверие могут преобладать над здравым смыслом. Проанализировав природу происхождения слухов и психологию толпы, Ш. Визе пришел к выводу о том, что холерные бунты в Саратове в 1892 г., несомненно, имели черты погрома. При этом решающим фактором в эскалации насилия он считает «не сложные объясняющие слухи, а те варианты, которые только указывали на недостатки и называли предполагаемых ответственных» [9, с. 315].

Социальные беспорядки в рассмотренный период не только отражали напряжённые от-

ношения между населением и властями, но и ставили под сомнение результативность проведения медицинских мероприятий и меры властей по борьбе с эпидемиями. Важно учитывать, что такие события служили предостережением для общества и органов управления, диктуя необходимость открытого диалога и доверительных отношений между ними. Тяжелые последствия эпидемии холеры в 1892 г. в Саратове стали уроком, который должен был сподвигнуть к пересмотру подходов к здравоохранению и социальным программам во избежание повторения трагедий в будущем.

Список литературы

1. Барабанова К. С. Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане в условиях чрезвычайной ситуации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017. 32 с.
2. Барабанова К. С. Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношение к ним горожан // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 130–144.
3. Егоров А. К. «Это, видно, Польша подкупила докторов так морить...»: к вопросу об источниках возникновения агрессивных слухов во время эпидемии холеры 1830/1831 гг. в России // Научный журнал. 2016. № 8 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eto-vidno-polsha-podkupila-doktorov-tak-morit-k-voprosu-ob-istochnikah-vozniknoveniya-agressivnyh-sluhov-vo-vremya-epidemii-holery-1830> (дата обращения: 15.09.2024).
4. Егоров А. К. Борьба с «отравителями» в холерном Петербурге // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 2. С. 524–540. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.2.803>
5. Егорышева И. В. Государственная политика в связи с первыми эпидемиями холеры в России (1823, 1829–1831) // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2022. № 1–2. С. 160–165. <https://doi.org/10.25742/NRIPH.2022.01.020>
6. Чагадаева О. А. Нас морить хотят! Убьем доктора! // Родина. 2019. № 3. С. 102–106.
7. Гарбуз Г. В. Эпидемия холеры в Пензенской губернии в 1892 г. // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 2 (66). С. 77–85. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2023-2-8>
8. Смирнова Е. М., Ерегина Н. Т. «Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний»: власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемиями холеры (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 33–48.
9. Визе Ш. Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории Слухи в России XIX–XX веков: сб. ст. / под ред. И. В. Нарского. Челябинск : Каменный пояс, 2011. С. 300–318.
10. Henze C. E. Disease, health care and government in late Imperial Russia: life and death on the Volga, 1823–

1914. London : Routledge, 2010. 227 p. <https://doi.org/10.4324/9780203833971>
11. Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н. [и др.] История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : в 2 т. Т. 2. Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века / 2-е изд., испр. и доп. Самара : Слово, 2020. 480 с.
12. Славин И. Я. Минувшее – пережитое. Воспоминания. Саратов : КнигоГрад, 2013. 404 с.
13. Шомпулев В. А. Записки старого помещика / сост., вступ. ст., подгот. текста А. В. Кумакова; коммент. А. В. Кумакова И. Н. Плешакова. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 357 с.
14. Наставление о мерах личного предохранения от холеры (из «Правительств. Вестника») // Саратовские епархиальные ведомости. 1892. № 14. Отд. офиц.
15. Барабанова К. С. Эпидемические бунты 1830-х гг.: региональная специфика и имперская общность // Былые годы. 2022. № 17 (4). С. 1733–1743. <https://doi.org/10.13187/bg.2022.4.1733>
16. Вересаев В. В. Повести и рассказы. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. 351 с.
17. Петров-Водкин К. С. Хлыновск. М. : Рипол-Классик, 2022. 340 с.
18. Варфоломеев А. Ю. «Навязчивая это была азиатская гостья»: эпидемия холеры на территории Саратова в 1830 г. // Базис. 2022. № 1 (11). С. 54–60.
19. Авлиев В. Н. Общие меры борьбы с холерой в российской провинции в начале XIX в. (на материалах Астрахани и калмыцкой степи астраханской губернии) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23846> (дата обращения: 15.09.2024).
20. Васильев К. Г., Сегал Л. Е. История эпидемий в России (материалы и очерки) / под ред. проф. А. И. Метелкина. М. : Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 560 с.
21. Архангельский Г. И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг. СПб. : типография М. Стасюлевича, 1874. 342 с.
22. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 7 (Саратовская судебная палата Министерства юстиции). 1871–1918. Оп. 1. Д. 1015.
23. Варфоломеев А. Ю. Деятельность губернских и местных властей по борьбе с эпидемией холеры в Саратовском Поволжье в 1892 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 4. С. 25–37. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2023-4-3>
24. ГАСО. Ф. 1 (Канцелярия Саратовского губернатора. [1781]–1917). Оп. 1. Д. 5162.
25. С. Д. Из деятельности духовенства по успокоению народных волнений по случаю холерной эпидемии // Саратовские епархиальные ведомости. 1892. № 15. Отд. офиц.
26. ГАСО. Ф. 10 (Прокурор Саратовского окружного суда Министерства юстиции. 1871–1917). Оп. 1. Д. 774.
27. ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 775.
28. Гессен С. Я. «Холерные бунты» (1830–1832 гг.) М. : Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 64 с.
29. Варфоломеев А. Ю. Опыт лечения и профилактики холеры в XIX веке (по материалам отчетов и публикаций врачей Саратовской губернии) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. № 3. С. 17–23. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-17-23>

Поступила в редакцию 20.09.2024; одобрена после рецензирования 26.09.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 20.09.2024; approved after reviewing 26.09.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025